

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-203-215>

УДК 821.161.1.09"19"

ББК 83.3(2Рос=Рус)52

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023. В. Г. Андреева
г. Москва, Россия

**КАК «СДЕЛАТЬ ТАК,
ЧТОБ ПИСЬМА ИЗ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ БЫЛИ ДЛЯ НАС,
РУССКИХ, ИНТЕРЕСНЕЕ ПИСЕМ ИЗ ЛОНДОНА ИЛИ НЬЮ-ЙОРКА»?
О ПЕРЕПИСКЕ И ТВОРЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
Л. Н. ТОЛСТОГО И И. С. АКСАКОВА**

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН
за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00661
«Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями, литераторами и публицистами.
1860-е годы», URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00661>

Аннотация: Целью статьи является анализ переписки Толстого и Аксакова, точнее, трех писем Аксакова, их подробное научное комментирование и выявление, объяснение реалий и фактов, позволяющих глубоко осмыслить идейные позиции и взгляды Толстого и Аксакова. В статье отмечается, что в письмах Аксакова к Толстому отчетливо проявляется его личная и гражданская позиция, представления о наилучших путях развития России. Письма Аксакова имеют большое значение в исследовании проблемы его продуманного влияния на Толстого, попыток сделать последнего адептом славянофильства. В работе отмечаются общие моменты и переклички в судьбах Аксакова и Толстого, обосновывается большое влияние Крымской войны на обоих литераторов. При всей кажущейся эпизодичности три письма Аксакова к Толстому позволяют проследить эволюцию взглядов писателя и редактора — увлечение публицистикой и актуальными общественными проблемами сменялось и для Толстого, и для Аксакова осознанием непреходящей ценности художественной литературы. Аналитическое изучение писем Аксакова позволило нам сделать вывод о его внимательном отношении к творчеству, жизни и общественной деятельности Толстого, отметить высокую оценку Аксановым занятий Толстого. В общем идейном направлении следуя программе славянофилов, Аксаков при открытии новых газет — «День» и «Русь», — осмыслял славянофильскую традицию по-разному, однако он неизменно приглашал в свои новые издания Толстого, считая его одним из лучших и передовых писателей.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, И. С. Аксаков, переписка, славянофилы, художественное творчество, публицистика, периодическая печать, сотрудничество, народ, мировой посредник.

Информация об авторе: Валерия Геннадьевна Андреева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы

им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

Дата поступления статьи: 28.02.2023

Дата одобрения рецензентами: 18.04.2023

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Андреева В. Г. Как «сделать так, чтоб письма из Тульской губернии были для нас, русских, интереснее писем из Лондона или Нью-Йорка»? О переписке и творческом взаимодействии Л. Н. Толстого и И. С. Аксакова // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 203–215.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-203-215>

В творческом и личном круге общения Л. Н. Толстого в середине 1850-х и начале 1860-х гг. семья Аксаковых занимала важное место. Уже прошедший многие тяжести военного времени и опубликовавший в журнале «Современник» свои первые произведения, Толстой тогда еще нуждался во мнении со стороны людей, искушенных в искусстве и литературе. В начале 1856 г. Толстой познакомился с Аксаковыми, прежде всего, с С. Т. Аксаковым, взгляды которого он очень ценил. Именно С. Т. Аксакову Толстой читал повесть «Альберт», о чем записал в дневнике 23 ноября 1857 г.: «Вечером писал и поехал к Аксаковым. Кажется, понравилось старику» [17, т. 47, с. 164]. В данном случае Толстой избрал Аксакова как первого и единственного слушателя. Так, 18 декабря 1857 г. Толстой писал Н. А. Некрасову: «Я Вам писал, что я доволен был этой вещью; читал ее переделанной одному старику Аксакову, который остался ею очень доволен...» [17, т. 60, с. 243]. Толстого привлекала обстановка в доме Аксаковых, дорогая ему атмосфера семейственности, душевной теплоты и понимания — несмотря на то, что периодически писатель не разделял воззрения Аксаковых, он вновь и вновь, пока был частым гостем в Москве, возвращался к ним в дом.

С И. С. Аксаковым Толстой познакомился в мае 1856 г., т. е. позднее, чем с его отцом (С. Т. Аксаковым) и братом (К. С. Аксаковым), с которыми он начал общаться зимой 1856 г. На протяжении 1850–1860-х гг. Толстой интересовался личностью и жизнью И. С. Аксакова, в 1863–1864 гг. читал ему главы из «Войны и мира» и советовался с ним относительно своей философской концепции истории. В 1864 г. Толстой обратился к Аксакову «“за сведениями об Австрии”, необходимыми для работы над романом “Война и мир”» [16, с. 140]. В отечественном литературоведении взаимоотношениям Толстого и кружка славянофилов в последние годы стало уделяться определенное внимание, однако специальных работ о Толстом и И. С. Аксакове до сих пор нет. Между тем личные и деловые связи одного из исконных, но вместе с тем последних славянофилов и знаменитого классика заслуживают внимания и пристального изучения. Особенный интерес вызывает переписка Толстого и Аксакова: несмотря на тот факт, что нам известно всего три письма Аксакова к Толстому, по этим содержательным и насыщенным смыслами посланиям можно многое понять о взаимодействии двух выдающихся современников, их отношениях.

Целью данной статьи является аналитическое изучение переписки Толстого и Аксакова, точнее, писем Аксакова, которые были впервые опубликованы в журнале «Вопросы литературы» № 11 за 1960 г. (письмо от 15 июня 1861 г.) и в издании переписки Л. Н. Толстого с русскими писателями (письма от 28 марта 1863 г. и 29 сентя-

бря 1880 г.); их подробное научное комментирование и выявление, объяснение реалий и фактов, позволяющих глубоко осмыслить идейные позиции и взгляды Толстого и Аксакова. В письмах Аксакова к Толстому отчетливо проявляется его личная и гражданская позиция, представления о наилучших путях развития России. Именно письма Аксакова имеют большое значение в исследовании проблемы его продуманного влияния на Толстого, попыток развернуть последнего в сторону собственных воззрений и сделать адептом славянофильства. В статье используются: биографический метод, культурно-исторический метод, метод целостного анализа, герменевтический и сравнительно-типологический методы.

Аксаков был всего на пять лет старше Толстого, имел прекрасный аналитический ум, стал журналистом и публицистом, хотя с юности мечтал быть писателем. Важно подчеркнуть, что в жизни и Толстого, и Аксакова произошли своеобразные прозрения после службы и участия в Крымской войне. Толстой был в действующей армии, Аксаков в 1855 г. поступил в ополчение — в Серпуховскую дружину, находившуюся под начальством князя Гагарина и дошедшую лишь до Бессарабии, однако далее участвовал в проводимом в Крыму следствии по делу о злоупотреблениях генерал-интенданта Затлера. И Толстой, и Аксаков были поражены и обескуражены поведением не солдат, но командования, чиновников и офицеров. В письме родным от 19 августа 1856 г. Аксаков писал: «Просто совестно хвастаться обороной Севастополя. — Я раскрываю теперь операцию о топливе, сколько могу частным образом (потому что не имею права производить формального следствия). Отпускались огромные суммы, целые миллионы чиновникам гражданского ведомства для снабжения войск. Деньги эти чиновники делили с командирами и офицерами, предоставляя солдатам по праву добывать топливо» [14, с. 447]. Во многом увиденное во время войны обнажило перед обоими литераторами главные проблемы русской жизни, проиллюстрировало не только огромные силы народа, но и его забитость. Связывая все свои чаяния с народной жизнью, Аксаков, тем не менее, не идеализировал народ. Он писал: «Брат мой Константин любит, сам того не зная, может быть, не старую, не современную Русь, а Русь идеальную. Что и говорить, я считаю русский народ лучшей почвой для взращивания семени, Христом брошенного; но грешны мы, грешен и народ!» [15, с. 346]. Примечательно, что и Толстой, и Аксаков с осторожностью относились к формальным сторонам народной жизни, гораздо большее внимание уделяя возможному ее содержанию. В.В. Носков отмечает, что Аксаков в годы Крымской войны окончательно разочаровался в Древней Руси, которая «не выработала... и не хранит в себе начал, способных возродить Россию к новой жизни». Как отмечает исследователь, Аксаков был убежден, что сочувствовать можно было не этой воображаемой Руси, а «только началам..., проявленным русским народом» [6, с. 113].

Первое письмо Толстому Аксаков написал летом 1861 г., которое писатель проводил в Ясной Поляне после возвращения из-за границы. Это был период серьезного увлечения Толстого педагогикой и школами, проблемами просвещения и образования народа. Получив немало новых знаний и впечатлений в своем втором заграничном путешествии, Толстой постарался применить их в хозяйственной и педагогической деятельности: начиная с мая 1861 г. писатель значительное внимание уделял проблемам народной жизни. В письме А. А. Толстой от 12–14 мая 1861 г. Толстой рассказывал о четырех хомутах, которые он после годовой свободы «не без удовольствия чувствует на себе»: «1) хозяйственный, 2) школьный, 3) журнальный, 4) посреднический хомуты» [17, т. 60, с. 389].

Свое послание Аксаков начинает с указания на личное общение и переписку, с сожаления о том, что им с Толстым не удалось накануне «повидаться и потолковать» (ОР ГМТ¹, инв. № 130/73-1). Увидеться двум приятелям не пришлось именно в Москве: Толстой из-за границы приехал в Петербург, где 14 и 15 апреля 1861 г. встретился с Аксаковым, а 22 апреля писатель уехал в Москву, где пробыл уже до отъезда в Ясную Поляну. Переписка в первых строках письма оценивается Аксаковым как средство намного менее эффективное, нежели живое общение. Однако упоминая о малом значении коммуникации посредством писем: «Помочь этому делу перепискою трудно, да и мы оба слишком заняты», Аксаков далее в очень содержательном и многогранном письме излагает свою просьбу к Толстому, спрашивает о его положении дел, наконец, представляет собственное видение развития страны (ОР ГМТ, инв. № 130/73-1).

Прежде чем далее рассуждать о смыслах послания Аксакова, необходимо отметить, что несколько пренебрежительное высказывание последнего о переписке в целом оказалось справедливым: не сохранилось ни одного ответа Толстого на письма Аксакова. Толстой мог и вовсе не ответить Аксакову, в любом случае, он не выполнил основной его просьбы о материалах для публикации.

В первом письме Аксаков обращается сначала к вопросу работы Толстого мировым посредником, а следом — к его планам по выпуску журнала. Для писателя два эти вида работы были связаны, однако даже не настолько тесно и сильно, как для Аксакова, который активно продолжал политику славянофилов. И. Ш. Юнусов справедливо отмечает, что многие вопросы, рассматриваемые Толстым и славянофилами, совпадали, однако предлагаемые решения часто оказывались различными: «Внимание к фигуре русского мужика, к вопросам веры, к понятию “русский мир”, к оппозиции Россия — Европа, к единению славян, к войнам, к будущему России, к феномену казачьего мира, к иноплеменникам было чрезвычайно важно в мировоззренческих и художественных системах и Л. Толстого и славянофильства. Вместе с тем приоритеты, подходы и разрешение этих вопросов не всегда совпадали, а часто были и полностью противоположными» [11, с. 81].

Для Толстого деятельность мирового посредника, работа по открытию школ для народа и выпуск планируемого журнала были действиями одного поля, однако по сути различными: находясь в Ясной Поляне и непосредственно сталкиваясь со сложностями жизни крестьян, Толстой прекрасно видел и ощущал народное содействие и противодействие, свою роль в каждом из этих дел. Школа была для писателя «поэтическим, прелестным делом, от которого нельзя оторваться» [17, т. 60, с. 404]; посредничество стало в большей степени обязанностью, на время увлекшей Толстого, но и отягощавшей его в связи с негативными влияниями местных дворян [4, с. 446–448]. Наконец, предполагаемый журнал Толстого должен был стать просветительским, педагогическим, но отнюдь не политическим. Несколько иначе все представлялось Аксакову. Толстовская деятельность мирового посредника, разрешение народного вопроса были для него проектами политическими, во многом определявшими его взгляды на будущее развитие России. Дел у Аксакова тем летом оказалось так много, что он даже решил проводить его в городе, о чем сообщал Толстому в финале письма: «Я остаюсь летом в Москве. Мой адрес: на Малой Никитской, дом Гусева» (ОР ГМТ, инв. № 130/73-1).

Служа мировым посредником, Толстой занимался разрешением встававших спорных вопросов и проблем, оценивал эту деятельность с позиций конкретной необходимости и собственного интереса. В начале августа 1861 г. Толстой писал А. А. Тол-

¹ Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого.

стой: «Посредничество интересно и увлекательно, но нехорошо то, что все дворянство возненавидело меня всеми силами души и суют мне *des batons dans les roués*² со всех сторон» [17, т. 60, с. 405]. Совсем иначе считал Аксаков, он связывал работу Толстого с возрождением провинции, с вступлением в свои права настоящей русской жизни, идущей от земли: «В настоящую минуту провинция представляет в тысячу раз более интереса, чем столицы, и это понятно» (ОР ГМТ, инв. № 130/73-1). По всей видимости, Аксаков понимал, что лучшей похвалой для Толстого, разбирающего народные дела и жалобы, будет упоминание о благодарности крестьян. Он писал: «Тому, что крестьяне Вашему назначению рады, я вполне верю и думаю, что лучше Вас посредника найти трудно...» (ОР ГМТ, инв. № 130/73-1). Нельзя исключать, что Аксаков был в курсе столкновений Толстого с местным дворянством, невзлюбившим ответственного графа, вникающего в народные проблемы. О «сознательной лжи» со стороны предводителя дворянства в адрес Толстого и признательности к нему крестьян пишет Н.Н. Гусев [4, с. 462].

В письме Аксаков сначала положительно отзывается о работе Толстого мировым посредником, а следом взывает к аналитике писателя, спрашивая его о согласии с «провозглашенным Положением» — сам Аксаков к Положению об освобождении крестьян во многом относился критически. После вступления Аксаков переходит «к делу», которое, впрочем, озвучивает тоже не сразу. Прежде всего, он интересуется журналом Толстого и рассказывает про свою газету — тут появляются параллелизм ситуаций и схожесть положений, которые должны были расположить Толстого в сторону Аксакова. Кроме того, Аксакова, конечно, живо интересовало положение дел с журналом Толстого. Нельзя исключать и того, что Аксаков хотел заранее больше узнать об этом новом издании, о его предполагаемом содержании.

Но главное, о чем просил Аксаков Толстого, — прислать ему для публикации в новой газете «День» материалы посреднической деятельности, наблюдения писателя за окружающей действительностью, за народной жизнью в провинции. Аксаков достаточно подробно и красочно, художественно излагает концепцию и задачи своего издания: «Мне хотелось бы, чтобы в моей газете отражалась как в зеркале вся внутренняя областная жизнь, вся пробудившаяся в ней деятельность общественная, умственная, экономическая. Мне хотелось бы корреспонденцию из губерний поднять на первое место в газете, сделать так, чтоб письма из Тульской губернии были для нас, русских, интереснее писем из Лондона или Нью-Йорка» (ОР ГМТ, инв. № 130/73-1). Конечно, новое программное издание славянофилов должно было оказаться, по планам Аксакова, интереснее герценовского «Колокола» (не случаен тут намек на письма из Лондона). Главный редактор планировал обратиться к теме народного самоощущения и теме земли, во многом справедливо акцентируя внимание на том, что жителям столиц, привыкшим к абстрактным понятиям, не осмыслить настоящего бытия. Примечательна эта почти одновременно развивающаяся и реализуемая у Толстого и Аксакова тема земли, благодаря которой оба писателя стремились показать масштабный образ национального единства — только у Толстого это получилось гораздо лучше, причем не в публицистике, а в художественном творчестве [1, с. 194–223]. Толстой с его чуткими наблюдениями и известностью был необходим Аксакову как автор новой газеты, на которую последний возлагал большие надежды. А. А. Тесля отмечает, что публицистика Аксакова «была погружена в среду, принципиально отличную от той, в которой действовала последующая политическая журналистика», «адресовалась не столько читателю, поли-

² (франц.) — палки в колеса.

тикой интересующемуся, сколько самим политикам» [8, с. 66]. Отметим, что многие современные социологи и даже политологи нередко упоминают Аксакова, когда речь заходит об общественном прогрессе и его дифференциации с понятием «развитие» [12, с. 230].

Уже в финале своего письма, несколько усиливая просьбу к Толстому, Аксаков писал о своем физическом и идейном одиночестве: «Изданием газеты я взваливаю на себя страшную обузу. Я теперь один! Целой среды сочувственной, животворящей — около меня нет: точно провалилась! А между тем, кажется мне, нужен будет мой орган в литературе, — не лично мой, разумеется, а того направления, к которому я принадлежал и принадлежу» (ОР ГМТ, инв. № 130/73-1). Аксаков давал понять Толстому, что хочет видеть его как своего единомышленника, при этом убеждая писателя в правоте собственных воззрений. Поддержка Аксакову действительно была необходима, поскольку к 1861 г. он остался совсем без близких по духу и воззрениям людей: 7 (19) декабря 1860 г. скончался его брат К.С. Аксаков, 23 сентября (5 октября) 1860 г. ушел из жизни А. С. Хомяков, уехали из Москвы А. С. Кошелев и Ю. Ф. Самарин. «Наш (славянофильский) круг совсем расстроился», — отмечал Аксаков в письме к М. Ф. Раевскому [13, ч. 2, т. 4, с. 57]. Примечательно совпадение ситуаций с обилием дел у Толстого и Аксакова («Мы оба слишком заняты», — писал последний) и схожее отношение литераторов к этой проблеме: Толстой называл свои дела «хомутами» [17, т. 60, с. 389], Аксаков — «страшной обузой».

Аксаков писал Толстому, что найдя благое намерение, он не имеет достаточного количества исполнителей этого дела — освещения истинно народной жизни в ее действительном варианте. Поэтому, уже приближаясь к финалу письма, Аксаков просил Толстого не только присылать свои материалы, но и привлекать «товарищей-посредников». Газета «День» должна была стать, по мысли Аксакова, рупором славянофильских идей в их обновленном виде. А. А. Тесля верно заметил, что Аксаков стал своего рода глашатаем славянофильства после ухода своих товарищей, что «более масштабная задача, реализованная Аксаковым, заключалась в приспособлении славянофильства к меняющимся общественным условиям и переводу его в практическую плоскость» [8, с. 69].

По всей видимости, в представлении Аксакова в 1860–1861 гг. именно мировой посредник Толстой виделся прообразом нового служащего в губернской России. В статье «О служебной деятельности в России (Письмо к чиновнику)» Аксаков отмечал не только мертвенную обстановку пребывания в городах, но писал о необходимости прислушиваться к народным инстинктам: «Служебная деятельность в России лишена всякой жизненной почвы. Она есть высшее выражение формализма. ... Мы совершенно оторваны от живой жизни и народа. Мы утратили сокровище народного инстинкта и, как бы ни старались восполнить этот недостаток изучением, все же мы будем лишены творчества, которое дается только цельностью жизни» [15, с. 342]. У Толстого было все то, о чем писал Аксаков: и творчество, и понимание народа, и тяга к живой жизни. С. В. Мотин отмечает, что в конце 1861 г. и начале 1862 г. Аксаков был увлечен идеей самоупражнения дворянства «и создания на этой основе принципиально новой, народной интеллигенции (“общества”, включающего лучших представителей всех сословий), которая будет способна разрушить главное противоречие русской жизни — между “землей” и “государством”» [5, с. 168].

Аксаков категорично настаивал на том, «что в народе русском лежат начала для нового права (*jus novum*)». Кроме того, по всей видимости, он считал себя более опыт-

ным в общественной деятельности человеком, чем Толстой, поскольку уверенно стал диктовать Толстому, что именно и как писать — просьба незаметно для самого Аксакова трансформировалась в своего рода императив: «Я прошу Вашего содействия — не вкладом литературных или “беллетристических” произведений — а статьями или письмами, во 1-х, о сельских школах, о народном обучении, и т. п.; во 2-х, о Вашей посреднической деятельности» (курсив мой. — В.А.) (ОР ГМТ, инв. № 130/73-1). На примере выделенной нами курсивом фразы заметно *пренебрежение Аксакова к художественному творчеству* — в попытке спасти все виды отношений от лженародности (см. статью «О лженародности в литературе 60-х годов»), представить читателям настоящие основы народного видения, Аксаков отказывался собственно от художественной литературы, делая акцент и ставку на публицистические материалы.

Отсутствие ответа Толстого на письмо Аксакова почти не удивляет: хотя писатель был достаточно аккуратен в ведении переписки и внимании к своим корреспондентам, его приоритеты расходились в это время с ожиданиями и чаяниями Аксакова. Кроме всех прочих «хомутов», немало личных сил отняла у Толстого произошедшая летом 1861 г. ссора с И. С. Тургеневым, волновали писателя мысли о семейной жизни и проблема поиска невесты. Примечательно, что в очень кратких записях в дневнике лета и осени 1861 г. после ссоры с Тургеневым Толстой упоминает о необходимости взаимного прощения — главная его мотивация связана была с тем, что «дела очень много впереди» [17, т. 48, с. 38]. Конечно, под этим делом прежде всего подразумевался *труд писательский*.

Большое значение в иллюстрации преемственности газеты «День» с идеями славянофилов имела публикация в первых номерах издания статей ушедших из жизни К. С. Аксакова и А. С. Хомякова. Но при соблюдении общей идейной и тематической славянофильской традиции ориентация газеты «День» исключительно на публицистику была связана с продвижением Аксаковым собственных представлений о наиболее эффективном воздействии на читателя.

Когда в финале первого письма к Толстому Аксаков пишет о неблагоприятных временах, он имеет в виду реакцию публики на слово, заинтересованность читателей. В несколько пренебрежительных словах Аксакова о художественном творчестве, написанных Толстому, отразились даже два аспекта. Во-первых, наблюдая за «общественным бессилием», Аксаков, по всей видимости, пришел к выводу о необходимости убедительного воззвания, которое могло бы высветить многочисленные недостатки и пороки. К примеру, в статье «Превратные понятия нашего общества об обязанностях государственной власти» Аксаков пишет про отсутствие у людей инициативы и увлеченности своим делом (которые так привлекали его в Толстом). Аксаков приводит отрицательный пример, прекрасно иллюстрирующий пересмотр им взглядов славянофилов на церковь и ее служителей: «Толкуем мы много о школах и доказываем, что духовенству по преимуществу принадлежит обязанность учить и просвещать русское просто-народье: духовенство даже добивается этого, как своего права и чуть-чуть не исключительной привилегии. А кто же мешает ему, без всякого официального побуждения, заводить школы в селах при церквях и просвещать народ поучительною проповедью? Разумеется, никто. Многие ли священники занимаются распространением грамотности и образования сами собою? Очень немного найдется у нас примеров такой высокой личной духовной предприимчивости» [15, с. 449]. Во-вторых, выбирая ставку в новой газете на публицистическое слово, Аксаков еще и пытался «оправдать» дело собственной жизни, заглушить противоречие личного пути, о котором справедливо упоминает

В. Н. Греков. Исследователь пишет, что недоверие Аксакова к себе, к собственному таланту заставляло сомневаться в своем призвании, в праве заниматься чисто литературной деятельностью, что лишь один раз, в письме Ф.В. Чижову прорвалось у Аксакова «признание в раздоре, конфликте между своим призванием и своей деятельностью»: «“Подорвав в самом себе поэтический дар сомнением, отчасти ложным взглядом на искусство, наконец, диссонансом, внесенным в мою жизнь всем неестественным ее ходом, я поневоле должен был принять на себя деятельность внешне — литературную нашего круга... занять положение “поэта”, “художника” я не мог, потому что не имел на это права, потому что оно слишком смешно и потому что это “звание” требует совершенной свободы» [3, с. 309–310].

Нельзя исключать того, что Аксаков в письме от 15 июня 1861 г. предпринимает попытку «перетянуть» Толстого, уже широко известного писателя, в свой стан публицистов, поскольку сам Толстой увлечениями школой, журналом, посредничеством проявил заинтересованность в новом движении. Однако для Аксакова журнальная деятельность была основной работой, а для Толстого — делом второстепенным, которое в определенные моменты занимало его многогранную натуру. По всей видимости, Аксаков несколько ревностно, болезненно воспринимал глубину художественной прозы Толстого. Интересно, что в словах Толстого об Аксакове была мысль о нехватке жизненной силы и энергии, а в отзывах Аксакова о Толстом, наоборот, указание на субъективность писателя, излишнюю выпуклость описываемого. Толстой 26–27 ноября 1865 г. писал А. А. Толстой о постепенной утрате Аксаковым жизненной энергии: «Я люблю Аксакова. Его порок и несчастье — гордость, гордость (как и всегда), основанная на отрешении от жизни, на умственных спекуляциях. Но он был живой человек. Я помню, прошлого года он пришел ко мне и неожиданно застал нас за чайным столом с моими belles soeurs. Он покраснел. Я очень был рад этому. Человек, который краснеет, может любить, а человек, который может любить, — все может» [17, т. 61, с. 121]. Рассуждая о том, каким был Аксаков, Толстой далее в письме показывает его внешние действия, которые постепенно увели Аксакова от главных смыслов и любви: «Вот он и женился. Теперь я готов бежать за ним и кричать: я не то, совсем не то говорил. Для счастья и нравственности жизни нужна плоть и кровь. Ум хорошо, а два лучше, говорит пословица: а я говорю: одна душа в кринолине нехорошо, а две души, одна в кринолине, а другая в панталонах еще хуже» [17, т. 61, с. 121]. Уже на закате жизни, 24 октября 1884 г. Аксаков писал Н. Н. Страхову, что он видит в художественных произведениях Толстого отсутствие художественной перспективы, неумение справляться со своим огромным талантом: «Толстой при всем своем реализме ужасно субъективен»; «Толстой же сам своим лицом стоит при каждом выдвигаемом им лице, постоянно около него возится» [7, с. 156].

Переписка Толстого и Аксакова на время прекратилась, однако оба литератора продолжали внимательно следить за творчеством друг друга, особенно это относилось к Аксакову, бдительно наблюдавшему за журнальной деятельностью Толстого и эволюцией его таланта. О журнале «Ясная Поляна» в печати первой отозвалась газета Аксакова «День»: в заметке от редакции в № 21, вышедшем 3 марта 1862 г., сообщалось, что «это новое, чрезвычайно замечательное литературное явление есть, <...> в то же время чрезвычайно важное явление в нашей общественной жизни» [4, с. 548]. Н. Н. Гусев отмечает, что «заметка в “Дне” или не удовлетворила Толстого или не дошла до него, и он продолжал с нетерпением ожидать отзывов о своем журнале» [4, с. 548].

Как мы уже отмечали выше, ответа Толстого на письмо Аксакова не последовало, однако с большой долей условности таким ответом можно считать небольшое послание, которое было написано не собственно Толстым, а рукой С. А. Толстой, при этом подписано и вовсе именем Натальи Петровны Охотницкой — обедневшей дворянки, которая жила в Ясной Поляне при Т. А. Ергольской. Сам Толстой упоминал Наталью Петровну именно как приживалку Т. А. Ергольской: «...добродушная старушка Наталья Петровна, жившая с ней, не для нее, а потому, что ей негде было жить» [17, т. 34, с. 367]. И это был не просто ответ, а сопроводительное письмо к рукописи, по легенде, созданной для Аксакова, написанной Охотницкой. Но на самом деле для публикации Аксакову был отправлен рассказ самого Толстого под названием «Сон» — над этим произведением Толстой работал с 1857 г., он относил «Сон» к области «чистого искусства» и прекрасно понимал, что в публицистическую полемику времени по поводу актуальных вопросов рассказ не вписывается. Ситуация выглядит особенно любопытной, если учитывать, что Аксаков просил у Толстого материалы о народной жизни, а отправлен ему был очень лирический рассказ. Толстой прекрасно понимал, материалы какого характера ждет от него Аксаков, и не хотел разочаровывать редактора. Вместе с тем, попытка публикации рассказа «Сон» осуществлялась, по всей видимости, не только ради издания этого художественного произведения, но параллельно была призвана удержать Аксакова в увлечении актуальными вопросами, напомнить ему о необходимости издания «литературных или “беллетристических” произведений» (ОР ГМТ, инв. № 130/73-1). Нельзя исключать, что отправка рассказа «Сон» в редакцию «Дня» была своеобразной проверкой Аксакова, в начале 1860-х гг. забывшего, что «цели художества несоизмеримы (как говорят математики) с целями социальными» — так писал Толстой в письме к П. Д. Боборыкину в июле-августе 1865 г. (ОР ГМТ, инв. № 37/63-2). Однако Аксаков «проверку» Толстого не прошел: 28 марта 1863 г. он ответил Охотницкой, что «Сон» не может быть принят в его газету, поскольку «слишком загадочен для публики, его содержание слишком неопределенно» (ОР ГМТ, инв. № 130/73-2).

Спустя примерно 20 лет после первого письма Аксакова Толстому, имеющегося в нашем распоряжении, ситуация изменилась почти полярно: 29 сентября 1880 г. Аксаков отправил Толстому послание, в котором сообщал о том, что приступает к новому делу, к служению правде в меру своего разумения — речь шла об открытии Аксаковым новой газеты славянофильского содержания «Русь», которая, как отмечает В. Н. Аношкина, стала его «лебединой песней», «личным изданием», в котором он выразил себя «и в собственных публикациях, и в материалах своих сотрудников» [2, с. 140]. Аксаков вновь обратился к Толстому с просьбой о каком-либо произведении, но на этот раз издатель не смел указывать писателю и сдерживать его: «Мне было бы в высшей степени дорого всякое Ваше сотрудничество, в каких бы формах оно ни проявилось — в форме ли статьи, письма, заметки или же рассказа, повести и т. д.» [ОР ГМТ, инв. № 130/73-3]. Однако этой просьбе в письме предшествует настоящий гимн художественному творчеству Толстого, а после нее Аксаков пишет об исключительности таланта Толстого, о том, что из всех современных писателей он может обратиться только к нему. Оба корреспондента к этому времени заняли почти противоположные своим прежним взглядам позиции: Толстой обратился к публицистике, к религиозной литературе, а Аксаков вернулся к признанию силы и могущества художественного слова. В.Н. Аношкина отмечает, что филологическую основу газеты «Русь» составляет «литературное творчество середины и начала XIX в.», а «Аксаков в своих передовицах говорит метафорическим языком писателей-классиков того времени» [2, с. 141]. Аксакову вновь нужна была

поддержка Толстым очередной газеты, но теперь уже художественным словом, которое по своей сути было очень близко изначальным запросам славянофилов: «Именно о такой литературе, в которой художественность пронизана религиозно-этическим смыслом не в качестве дидактического привеска, а органично, когда эстетизируется само нравственное начало произведения, мечтали славянофилы» [9, с. 93].

Толстой опять понадобился Аксакову как борец — теперь уже не с ложной народностью, но «в противостоянии ложному направлению нигилистической идеологии» [10, с. 24]. Оба корреспондента, при всем сходстве интересов, вновь удалились в разные стороны. Однако в своем третьем и последнем письме Аксаков смог удивительно точно показать заслуги Толстого-писателя, обратиться к нему с искренней и горячей просьбой о возвращении в литературу, наконец, пронизательно определить художественный метод позднего Толстого, охарактеризовав его как «духовный реализм».

Таким образом, переписка Толстого и Аксакова с сохранившимися ныне только тремя письмами последнего, при всей кажущейся эпизодичности позволяет проследить эволюцию взглядов писателя и редактора, их несходство во времени — увлечение публицистикой и актуальными общественными проблемами сменялось и для Толстого, и для Аксакова осознанием непреходящей ценности художественной литературы. Аналитическое изучение писем Аксакова позволило нам сделать вывод о его внимательном отношении к творчеству, жизни и общественной деятельности Толстого, отметить высокую оценку Аксановым занятий Толстого. В общем идейном направлении следуя программе славянофилов, Аксаков при открытии новых газет — «День» и «Русь» — осмыслял славянофильскую традицию по-разному, однако он неизменно приглашал в свои новые издания Толстого, считая его одним из лучших и передовых писателей.

Список литературы

Исследования

- 1 Андреева В. Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 192–227. URL: <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227>
- 2 Аношкина-Касаткина В. Н. И. С. Аксаков и газета «Русь» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 3 (80). С. 125–143.
- 3 Греков В. Н. «...Отречься от жизни не достаёт сил» (И. С. Аксаков — критик и эстетик) // Наследие Аксаковых в русской культуре, отечественной истории и общественной жизни. Самара: Изд-во Самарского государственного ин-та культуры, 2022. С. 309–319.
- 4 Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.
- 5 Мотин С. В. Земский вопрос в передовых статьях газеты «День» И. С. Аксакова // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 159–162.
- 6 Носков В. В. Крымская война и развитие славянофильской философии истории // Известия российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена. 2002. Т. 2. № 2. С. 103–119.
- 7 Розенблюм Н. Лев Толстой в неизданной переписке и воспоминаниях современников // Русская литература. 1960. № 4. С. 154–166.
- 8 Тесля А. А. Концепция общества, народа и государства И. С. Аксакова (первая половина 1860-х гг.) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 1 (68). С. 65–79.

- 9 *Тихомиров В. В. И. С. Аксаков — литературный критик // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 4. С. 88–94. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-4-88-94>*
- 10 *Федосеева Т. В. Противостояние духовному нигилизму в литературно-критических публикациях газеты И. С. Аксакова «Русь» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 2 (20). С. 24–28. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.2\(20\).24](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.2(20).24)*
- 11 *Юнусов И. Ш. Славянофилы и Л. Толстой: «Князь Луповицкий, или приезд в деревню» К. Аксакова и «Утро помещика» и «Казачи» Л. Толстого // Вестник Вятского государственного гуманитарного ун-та. 2014. № 2. С. 81–85.*
- 12 *Shirinyants A. O Rus, where are thou?: Myths in Culture and Politics // Politeja. 2019. № 62. P. 223–235. URL: <https://doi.org/10.12797/Politeja.16.2019.62.13>*

Источники

- 13 *Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1888–1896. В 2 ч.*
- 14 *Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. М.: Наука, 1994. 654 с.*
- 15 *Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 888 с.*
- 16 *Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: в 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. 495 с.*
- 17 *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1952. Т. 34. 664 с. М.: Худож. лит., 1937. Т. 47. 636 с. М.: Худож. лит., 1952. Т. 48. 566 с. М.: Худож. лит., 1949. Т. 60. 564 с. М.: Худож. лит., 1953. Т. 61. 436 с.*

© 2023. Valeria G. Andreeva
Moscow, Russia

HOW “TO MAKE LETTERS FROM THE TULA PROVINCE MORE INTERESTING FOR US RUSSIANS THAN LETTERS FROM LONDON OR NEW YORK”? ON THE CORRESPONDENCE AND CREATIVE INTERACTION OF L. N. TOLSTOY AND I. S. AKSAKOV

Acknowledgments: This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00661 “Correspondence of L.N. Tolstoy with Russian writers and publicists. 1860s” Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-00661>.

Abstract: The purpose of the paper is to analyze the correspondence between Tolstoy and Aksakov, more precisely, three letters of Aksakov, their detailed scientific commentary and identification, explanation of the realities and facts that make it possible to deeply comprehend the ideological positions and views of Tolstoy and Aksakov. The research notes that in Aksakov’s letters to Tolstoy, his personal and civic position, ideas about the best ways for Russia’s development are perfectly manifested. Aksakov’s letters are

of great importance to the study of the issue of his thoughtful influence on Tolstoy in attempt to make the latter an adherent of Slavophilism. The work highlights similarities and echoes in the fates of Aksakov and Tolstoy and substantiates a great influence of the Crimean War on both writers. For all the seeming episodic nature, Aksakov's three letters to Tolstoy allow us to trace the evolution of the writer's and editor's views, their dissimilarity in time — the passion for journalism and topical social problems was replaced by both Tolstoy and Aksakov with an awareness of the enduring value of fiction. An analytical study of Aksakov's letters allowed us to conclude that he was attentive to the work, life and social activities of Tolstoy, and to note Aksakov's high appreciation of Tolstoy's studies. Keeping in line with the general ideological direction of the Slavophiles, when opening new newspapers — *Den* and *Rus* — Aksakov interpreted the Slavophile tradition in different ways, however invariably inviting Tolstoy to his new publications, considering him one of the best and most advanced writers.

Keywords: L.N. Tolstoy, I.S. Aksakov, Correspondence, Slavophiles, Artistic Creativity, Journalism, Periodicals, Cooperation, People, Global Mediator.

Information about the author: Valeria G. Andreeva — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

Received: February 28, 2023

Approved after reviewing: April 18, 2023

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Andreeva, V. G. “How ‘to Make Letters from the Tula Province More Interesting for us Russians Than Letters from London or New York?, On the Correspondence and Creative Interaction of L. N. Tolstoy and I. S. Aksakov.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 203–215. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-203-215>

References

- 1 Andreeva, V. G. “Obraz Zemli kak Odnazh iz Epicheskikh Osnov Khudozhestvennykh Mirov Romanov L. N. Tolstogo” [“The Image of the Earth as One of the Epic Foundations of the Artistic Worlds of L. N. Tolstoy”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 2, 2020, pp. 192–227 (In Russian). <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227> (In Russ.)
- 2 Anoshkina-Kasatkina, V. N. “I. S. Aksakov i gazeta ‘Rus’.” [“I. S. Aksakov and the Newspaper ‘Rus’.”]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, no. 3 (80), 2015, pp. 125–143. (In Russ.)
- 3 Grekov, V. N. “...Otrech'sia ot zhizni ne dostayet sil' (I. S. Aksakov — kritik i estetik)” [“...There is not Enough Strength to Renounce Life' (I. S. Aksakov — Critic and Esthetician)”]. *Nasledie Aksakovykh v russkoi kul'ture, otechestvennoi istorii i obshchestvennoi zhizni [Aksakov's Heritage in Russian Culture, National History and Public Life]*. Samara, Samara State Institute of Culture Publ., 2022, pp. 309–319. (In Russ.)
- 4 Gusev, N. N. *Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god [Leo Nikolaevich Tolstoy. Materials for a Biography from 1855 to 1869]*. Moscow, Academy of Sciences SSSR Publ., 1957. 915 p. (In Russ.)

- 5 Motin, S. V. “Zemskii vopros v peredovykh stat'iakh gazety ‘Den’ I.S. Aksakova” [“Zemsky Issue in the Leading Articles of the Newspaper ‘The Day’ I.S. Aksakov”]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika*, no. 3 (37), 2014, pp. 159–162. (In Russ.)
- 6 Noskov, V. V. “Krymskaia voina i razvitie slavianofil'skoi filosofii istorii” [“The Crimean War and the Development of the Slavophile Philosophy of History”]. *Izvestiia rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, vol. 2, no. 2, 2002, pp. 103–119. (In Russ.)
- 7 Rozenblium, N. “Lev Tolstoi v neizdannoii perepiske iii vospominaniakh sovremennikov” [“Leo Tolstoy in Unpublished Correspondence and Memoirs of Contemporaries”]. *Russkaia literature*, no. 4, 1960, pp. 154–166. (In Russ.)
- 8 Teslia, A. A. “Kontsepsiia obshchestva, naroda i gosudarstva I. S. Aksakova (pervaia polovina 1860-kh gg.)” [“The Concept of Society, People and State I. S. Aksakov (First Half of the 1860s)”]. *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)*, no. 1 (68), 2013, pp. 65–79. (In Russ.)
- 9 Tikhomirov, V. V. “I. S. Aksakov — literaturnyi kritik” [“I. S. Aksakov is a Literary Critic”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 25, no. 4, 2019, pp. 88–94. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-4-88-94> (In Russ.)
- 10 Fedoseeva, T. V. “Protivostoianie dukhovnomu nigilizmu v literaturno-kriticheskikh publikatsiiakh gazety I. S. Aksakova ‘Rus’” [“Opposition to Spiritual Nihilism in the Literary-Critical Publications of the Newspaper I. S. Aksakov ‘Rus’”]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (20), 2019, pp. 24–28. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.2\(20\).24](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.2(20).24) (In Russ.)
- 11 Iunusov, I. Sh. “Slavianofily i L. Tolstoi: ‘Kniaz’ Lupovitskii, ili priezd v derevniu’ K. Aksakova i ‘Utro pomeschchika’ i ‘Kazaki’ L. Tolstogo” [“Slavophiles and L. Tolstoy: ‘Prince Lupovitsky, or an Arrival in the Village’ by K. Aksakov and ‘Morning of the Landowner’ and ‘Cossacks’ by L. Tolstoy”]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 2, 2014, pp. 81–85. (In Russ.)
- 12 Shirinyants, Aleksandr “O Rus, where are thou?: Myths in Culture and Politics.” *Politeja*, no. 62, 2019, pp. 223–235. Available at: <https://doi.org/10.12797/Politeja.16.2019.62.13> (In English)